Берестяные грамоты из раскопок 2022 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе

Алексей Алексеевич Гиппиус
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; Институт славяноведения РАН, Москва, Россия; agippius@mail.ru

Аннотация: Статья содержит предварительную публикацию двенадцати берестяных грамот XII — первой половины XV в., найденных в археологическом сезоне 2022 г. в Великом Новгороде (№ 1146–1157) и Старой Руссе (№ 53, 54), а также грамот № 1142 и 1143 из раскопок 2021 г., не вошедших в предыдущую публикацию.
Ключевые слова: берестяные грамоты, древнерусский язык, Новгород, Старая Русса
Благодарности: Исследование выполнено в НИУ ВШЭ за счет гранта Российского научного фонда № 19-18-00352, https://rscf.ru/project/19-18-00352/. Автор благодарит руководителей раскопов за предоставление материала для публикации и стратиграфических данных. Автор признателен Д. В. Сичинаве, М. Н. Толстой за сотрудничество и анонимным рецензентам за ценные замечания.
Для цитирования: Гиппиус А. А. Берестяные грамоты из раскопок 2022 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе. *Вопросы языкознания*, 2023, 5: 7–28.
DOI: 10.31857/0373-658X.2023.5.7-28

Birchbark letters from Veliky Novgorod and Staraya Russa excavations of 2022

Aleksey A. Gippius
HSE University, Moscow, Russia;
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; agippius@mail.ru

Abstract: The article contains a preliminary publication of twelve birchbark letters of the twelfth — first half of the fifteenth century, found in the archaeological season of 2022 in Veliky Novgorod (Nos. 1146–1157), and letters Nos. 52 and 53 from Staraya Russa. Letters Nos. 1142 and 1143 from the excavations of 2021, which were not included in the previous article, are also published.
Keywords: birchbark letters, Novgorod, Old Russian, Staraya Russa
Acknowledgements: The research was carried out at the Higher School of Economics at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 19-18-00352, https://rscf.ru/project/19-18-00352/. The author thanks the heads of the excavations for providing material for publication and stratigraphic data. The author is grateful to D. V. Sitchinava and M. N. Tolstaya for co-operation and to the anonymous reviewers for valuable remarks.
For citation: Gippius A. A. Birchbark letters from Veliky Novgorod and Staraya Russa excavations of 2022. *Voprosy Jazykoznanija*, 2023, 5: 7–28.
DOI: 10.31857/0373-658X.2023.5.7-28

Великий Новгород

В течение археологического сезона 2022 г. в Великом Новгороде были обнаружены 14 берестяных документов. Все грамоты найдены при раскопках, проводившихся Новгородской экспедицией Института археологии РАН под руководством П. Г. Гайдукова. Раскопки затронули территорию трех древних концов средневекового Новгорода — Неревского, Людина и Славенского. В ходе охранных работ на месте бывшего медо-пивоваренного завода «Богемия» в восточной части Неревского конца (руководитель работ М. А. Степанов) были найдены девять берестяных документов, из которых восемь (№ 1145–1149 и 1154–1156) происходят из напластований первой половины XV в. и одна (№ 1157) — из напластований XIII в. В Людином конце, на раскопе у дома № 7 по Редятиной улице (руководитель работ О. М. Олейников), в напластованиях середины XII — начала XIII в. были обнаружены грамоты № 1150, 1151 и 1152. Грамота № 1153 найдена на Иоанновском раскопе в Славенском конце, на участке, в древности входившем в состав Немецкого двора св. Петра; она происходит из слоя середины — второй половины XIII в.

В настоящую публикацию входят все перечисленные грамоты, за исключением № 1145, представляющей собой незначительный фрагмент. Публикуются также грамоты № 1142 и 1143, найденные на Иоанновском раскопе в 2021 г. и не вошедшие в предыдущую статью. Полную публикацию грамот Иоанновского раскопа см. в статье [Гайдуков, Гиппиус, в печати].

Принципы записи и комментирования текста — такие же, как в предшествующих публикациях данной серии [ДНД: 232–234]. Указанные при грамотах стратиграфические датировки носят предварительный характер.

№ 1142. Иоанновский раскоп (раскопки 2021 г.). Фрагмент из середины документа.

…| … [ѡмъсл]…
… (гр)амотѣ и вз…
(… н)а посулєхъ увєдаш(асꙗ)
…и а по сємъ …
…удьѣ ниц… (|…)

Слова (*н*)*а посулехъ уведаш*(*асꙗ*) вписаны между строк более мелким почерком, но, по-видимому, той же рукой.

Стратиграфическая дата: конец XIV в. — первая четверть XV в.

Внестратиграфическая оценка: предпочтительно не ранее 1340-х гг.

Разбор этого текста имеет смысл начать с конца. На *…удьѣ* в последней строке могла заканчиваться какая-то форма слова *судья*, но также М. ед. слова *орудье* ‘дело’; на *ниц…* могло начинаться только отрицательное местоимение. Поиск параллелей приводит к следующему результату: вместе с предшествующим *а по семъ* искомое сочетание находит ближайшее соответствие в формуляре новгородских рядных грамот. См., например, в рядной Василия Федорова с посадником Иваном Даниловичем начала XV в.: «**А по томъ** не надоби посаднику Ивану Даниловицю, ни игумену святаго Спаса с Хутина, ни черенцямъ до Василья, ни до его дѣтѣи, ни до его братановъ, до Олександровыхъ дѣтѣи, **в томъ орудьи**, въ Ивановѣ куплѣ в посадници, **ничто же**; ни Василью, ни его дѣтемъ, ни его братанамъ, Олександровымъ дѣтемъ, не надоби до посадника до Ивана до Даниловиця, ни до игумена святаго Спаса с Хутина, ни до церенцовъ **в томъ орудьи ничто же**» [ГВНП: 187, № 130; те же формулы в № 132, 221].

Сопоставление с формуляром рядных грамот позволяет осмыслить и текст второй строки, где после однозначно восстанавливаемого (*гр*)*амотѣ* можно предположить *и вз*(*ꙗлъ*) или, скорее, *и вз*(*ꙗ*), учитывая аорист *уведаш*(*ася*) в приписке между строк. На этот раз параллель обнаруживается в берестяной грамоте № 366 (XIV в.), представляющей собой рядную: *Сь урꙗдѣсꙗ Ꙗковь съ Гюрьгьмо и съ Харѣтономъ по бьсудьнои*

***грамотѣ**, цто былъ возѧлъ Гюрьгѣ грамоту в ызьѣжьнои пьшьнѣцѣ, а Харѣтоно во проторѣхо своѣхъ. **И возѧ** Гюрьгѣ за вьсь то рубьль и трѣ грѣвоны, и коробью пьшьнѣцѣ, а Харѣтонъ возѧ дьсѧть локотъ сукона и грѣвону. А боль нь надобѣ Гюрьгю нѣ Харѣтону до Ѧкова, нѣ Ѧкову до Гюрьгѧ нѣ до Харитона. А на то рѧдьцѣ и послусѣ...* Выделенные слова разделены факультативной клаузой, уточняющей предмет бессудной грамоты; удалив ее, получаем то же сочетание, что и в комментируемом документе.

Как видно из этих параллелей, утраченные левый и правый края грамоты заключали в себе значительный объем текста. По образцу формуляра рядных восстанавливается текст примерно следующей структуры: *Се урѧдисѧ X с Y-ом по бесуднои гр**амотѣ. И взѧ** X .... **А по семъ** не надобѣ X-у до Y-а ... ... в томъ ор**удьѣ ниц**тоже.* Далее должен был следовать завершавший грамоту перечень свидетелей.

Буквенную последовательность в первой строке, по-видимому, невозможно истолковать, не предполагая использования специальных графических эффектов. Допустив замену *ы* на *ъ,* встречающуюся в берестяных грамотах разных периодов, можно прочесть ⟨*ω Мысл...*⟩ (ср. *Мысловѣ дѣтѣ* в № 136). Это сочетание могло читаться в составе указания на предмет «ряда», например: (*се урѧдисѧ*) ... *ω Мысл*(*овѣ серебрѣ*).

В приписке между 2-й и 3-й строками фигурируют *посулы*. Так называлось на Руси неофициальное вознаграждение чиновнику, то есть взятка. Запреты судьям и выполняющим их функции представителям власти брать «посулы» фиксируются в памятниках русского законодательства начиная с Двинской уставной грамоты 1397–1398 гг. и Псковской судной грамоты; имеются они и в Судебниках 1497 и 1550 гг.[1] Из древнерусского слово было заимствовано в средненижненемецкий и, в форме *possul*, многократно встречается в корреспонденции Немецкого двора в Новгороде как обозначение важнейшей черты местного административного быта, с которой ганзейские купцы вынуждены были считаться. См., например, в документе 1426 г. пересказ требования новгородцев к отпущенному на поруки немецкому купцу: «…he moste utgeven 10 stucke sylvers, behalver *possul*, dat he deme hertogen moste geven und anderen Russen» 'он должен заплатить 10 гривен серебра не считая посула, который он должен выплатить тысяцкому и другим русским' ([LECUB VII: 350, № 511]; перевод П. В. Лукина; ср. [Бессуднова 2019: 119]). Как видно из этого примера, «посул» воспринимался в то время в Новгороде как легальная практика денежного вознаграждения официальных лиц, участвовавших в разрешении конфликта. Можно думать, что и в нашем случае получателем посула выступал посадник или тысяцкий и какие-то еще административные лица, которые были названы в приписке. Дополнительное основание думать так дает берестяная грамота № 154 (XIV в.). Она также представляет собой официальный документ — запись о разрешении конфликта между Филиппом и Стойком. Сообщив о получении Стойком от Филиппа денег и коня, запись добавляет: *а увѣдаютсѧ Стоике в вири* ⟨*в вѣрѣ*⟩ *и с посадникомъ и с сочкыми.* В данном случае, как отмечает В. А. Кучкин, «речь должна идти не о выплатах каких-то сумм посаднику и сотским, а о клятвенном подтверждении самим Стойкой получения долга от Филиппа» [Кучкин 2008: 400]. Но важно, что и здесь урегулирование отношений между сторонами конфликта сопровождается «уведыванием» одной из них с новгородскими властями.

Отметим также сочетание слов *посулъ* и *орудье* в договорной грамоте Новгорода с Ливонским орденом 1427 г.: «А кому до кого орудье, немчѣну до новгородчя, а новгородчю до немчѣна, а тому судъ с обѣ половины, по хрестному челованью; а с обѣ половины посуловъ не имати» [ГВНП: 100, № 60].

[1] Характерным образом, старорусская номинация этого инструмента подкупа госслужащих дана — в отличие от его современного эквивалента — в перспективе взяткодателя: с точки зрения внутренней формы слова, *посулъ* есть обещанное, «посуленное» вознаграждение. Семантика обещания сохраняется, по-видимому, в диалектных словах *посул*, *посула*, определяемых в [СРНГ, 30: 50] просто как 'подарок, вознаграждение'; во всяком случае, она явственно ощутима в единственном приведенном примере: *за эту посулу я рукой не пошевелю* (смол.).

Замечательно, что в приписке, в отличие от основного текста грамоты, *ѣ* дважды заменен на *е*. Поскольку писал, скорее всего, тот же человек, это следует объяснять ослаблением орфографического контроля при работе «в режиме вставки».

№ 1143. Иоанновский раскоп (раскопки 2021 г.). Фрагмент из середины документа.

…|животъ и павлє м[ѣх]- …
съ двора нє сварись и гу…
сѧ да павла за в… |…

Стратиграфическая дата: конец XIV — первая четверть XV в.

Внестратиграфическая оценка: предпочтительно не ранее 1340-х гг.

Грамота содержала описание конфликта между новгородцем Павлом и его контрагентом, в котором, учитывая место находки, естественно видеть немецкого купца. Предметом ссоры было, по-видимому, имущество (*животъ*), а конкретно — мех. Слова *не сварись* явно представляют собой прямую речь Павла, вводимую, как это нередко бывает в берестяных грамотах, без специального маркера. На *Гу*... в конце второй строки могло начинаться имя немца, которого могли звать, например, Густав или Гутберт; на *в*... в конце третьей — слово *воротъ* или *волосы*[2]. На *ся* мог заканчиваться повторенный в индикативе глагол *сваритися*. Реконструируется примерно следующий текст: … *животъ. И Павле мѣ*(*хъ взѧле и пошле*) | *съ двора: «Не сварись!». И Гу…,* | (*сварѧсѧ*)*, да Павла за в*(*олосы ѧле*) ... Перевод: '…И Павел взял мех и пошел со двора, [говоря]: "Не сердись!". А Гу(став), осердясь, схватил Павла за волосы…'. Очень похожая ситуация описана в уже цитировавшемся в комментарии к грамоте № 1142 письме немецких купцов из Новгорода в Ревель 9 августа 1426 г.: «Случилось так, что вышеназванный Херман торговал с одним русским по имени Павел. Когда они расставались, тогда начали они спорить, пока друг друга не стали толкать и бить. Когда они уже расходились, русский снова вернулся и ударил Хермана рукой в лицо так, что у него пошла кровь из носа и изо рта. Тогда Херман взял кинжал и, в свою очередь, ударил русского незаточенной стороной клинка по руке, так что она у него посинела» ([LECUB VII: 349, № 511]; перевод П. В. Лукина; ср. [Бессуднова 2019: 118]). Найденная на Немецком дворе грамота датируется приблизительно тем же временем, что и этот документ. Не исключено даже, что речь идет об одном и том же Павле, который мог не раз становиться фигурантом подобных сцен. Характерно, впрочем, что, в отличие от немецкого документа, в грамоте Павел представлен в роли миротворца, пытающегося уладить ссору. Для предполагаемого *за волосы ѧле* ср. в договоре Смоленска с Ригой и Готландом 1229 г. (список D): «Аще ударить по лицю или за волосы иметь, или батогомъ шибеть, платити безъ четвьрти грв҃на серебра…» [СГ: 36]. Документ мог представлять собой официальную жалобу, направленную в Немецкий двор и требовавшую уплаты положенного в таких случаях штрафа.

№ 1146. Раскоп на Софийской набережной — завод «Богемия». Последние шесть строк многострочной долговой записи.

(…)| … (кор)=
(об)[иі] ржи нa пєтрѣ нa [в](aси)=
лєвѣ нa вєлицковѣ ру[бль]
нa смoнкѣ нa зaхaрыінѣ [зa]
мхoмъ пoлътoрa рублѧ нa нa=
умѣ нa курилoви пoлътoрa р=
ублѧ нa мoлвoт[и](цѣхъ)

[2] Альтернативные реконструкции, например, *игу*(*менъ*) и *за В*(*олокъ*), содержательно намного менее вероятны.

Стратиграфическая дата: первая половина XV в.

Внестратиграфическая оценка: предпочтительно не ранее 1360-х гг.

Реестр построен по единому шаблону: все должники названы по именам и отчествам (на *-инъ* и *-овъ*) с указанием места проживания. Из населенных пунктов однозначно определяются *Молвотичи*, уже встречавшиеся в грамоте № 516 (сер. XIII в.); об этимологии топонима и соотношении с современным названием с. Молвотицы в Маревском районе Новгородской области см. [ДНД: 361; Васильев 2012: 220]. *За мхомъ* соответствует современному названию З*амошье*, распространенному очень широко. *Величково* может быть тождественно одноименной деревне в Андреапольском районе Тверской области (к югу от Молвотиц), однако последняя находится вне исторических границ Новгородской земли.

Синтаксически интересен разный порядок слов в двух последних фразах, идентичных по составу и называющих одну и ту же сумму в полтора рубля. При первом упоминании указание этой суммы занимает финальную позицию, в которой находится и слово *р8бль* в предыдущей фразе; при повторном упоминании оно перенесено на срединную позицию. По-видимому, этот перенос вызван желанием подчеркнуть тождество сумм: ‘У Наума Кирилова [тоже] полтора рубля’; при этом указание места помещено в конце, как уточнение.

№ 1147. Раскоп на Софийской набережной — завод «Богемия». Нижняя часть письма.

… |даі ѥго [·] фофаꙋ · а цимъ · ѥсмь · тоби
виновате · пол[ъ] шести (·) семниц=
и · а то тебе · буде · а [к] тоби · цоло би=
ю ·:·

Стратиграфическая дата: первая половина XV в.

Внестратиграфическая оценка: предпочтительно не ранее 1380-х гг.

Перевод: ‘…Дай его Фёфану. А то, что я тебе должен — пять с половиной семниц, — это тебе будет. А я тебе бью челом’.

Фофанъ — разговорная форма имени Феофан. Запись ее через *о* может как непосредственно отражать произношение (ср. известную фамилию *Фофанов*), так и скрывать произношение [ф’офан], что кажется более вероятным. Как заметил П. Г. Гайдуков [письмо от 12.06.2022], то же лицо может упоминаться в грамоте № 299 (*оу Феф*[*ана*]), найденной на находившемся неподалеку Неревском раскопе в слое того же времени (30-е — 40-е гг. XV в.); здесь *е* уже точно обозначает [’о]. Старое ударение в этом каноническом имени было на втором слоге [Успенский 1969: 132; Зализняк 2019: 861], и механизм образования народной формы здесь был такой же, как в *Фео́доръ* > *Фёдор*. Хотя стяжение εο > /e/ в именах на *Θεο-* фиксируется уже на греческой почве [Hübner 1966: 178–181], имя *Феофанъ* едва ли было заимствовано в древнерусский устным путем.

Слово *семница* здесь, как и в грамотах № 355 и 1124, означает единицу счета мехов, равную семи беличьим шкуркам [Гиппиус 2017]. Упоминание половины семницы, то есть трех с половиной шкурок, не противоречит этому, ср. *полъ семѣ бѣлѣ* ‘шесть с половиной белок’ в № 1118 (конец XIII — нач. XIV в.).

Необычно употребление наддиалектной формы Д. *тебе*, с корневым *е* и без перехода *ѣ* в *и*, на фоне дважды встретившегося *тоби.* Это единственный в берестяных грамотах случай употребления данной формы в тексте с выраженной диалектной окраской (И. ед. м. *виновате*, Р. ед. ж. *полъ шест⟨ѣ⟩*, нулевое окончание в *буде*). Неясно, чем вызвана эта аномалия: стремлением автора уйти от повтора *то то…* или его желанием придать большую вежливость фразе, заверяющей адресата в соблюдении им долговых обязательств.

№ 1148. Раскоп на Софийской набережной — завод «Богемия». Целый документ из шести строк.

серькию · лосось · юрью лосось мику=
линьскому лосось лазорю короб=
оцка ікри да торпица зехъну
торпицѧ да сухъıхъ · да федору т=
орпицѧ церници{ѧ} лосось · степани=
ди лосось · сторожю смену лосось

В 3-й строке писец сначала написал *ікра,* но затем вписал перед *а* букву *и*; петлю *а* он при этом зачеркнул, а нижнюю часть спинки использовал как левую ножку *д*. В 5-й строке было сначала написано *церницѧ*: возможно, писец собирался написать форму Д. мн. *церницѧмъ*. Передумав, он вставил *и* перед *ѧ*, но *ѧ* оставил незачеркнутым.

Стратиграфическая дата: первая половина XV в.

Внестратиграфическая оценка: предпочтительно не ранее 1340-х гг.

Перевод: ‘Сергию лосось, Юрью лосось, [попу] Микулинскому лосось. Лазарю коробочка икры и форель, Зехну форель и сушеной рыбы, и Федору форель. Чернице лосось, Степаниде лосось, сторожу Семену лосось’.

Грамота содержит список имен для раздачи дорогой рыбы, привезенной, вероятно, из Приладожья или Прионежья, откуда в Новгород поступал лосось. Интересен состав микросообщества, в котором производится эта раздача. Помимо шести человек — пяти мужчин и женщины, названных только по именам (Сергий, Юрий, Лазарь, Зехно, Федор, Степанида), в него входят «Микулинский», черница и сторож Семен. Субстантиватом *Микулиньскыи* обозначен, скорее всего, священник близлежащей церкви св. Николы на Яковлевой улице. Прилагательные на *-иньскыи* представлены в берестяных грамотах всего двумя примерами, оба раза как определения клириков: *за попъмъ за илиінскимъ* № 519/520, *п(е)ред ыгумном перед Федором Ылиин(ь)ским* Мск. 3 (обе грамоты начала XV в.). Как *попъ Микулиньскыи* определяет себя Андрей, псковский книгописец первой половины XIV в. [Калугин 1991: 56]; в Псковской 3-й летописи он упоминается под 1327 г. как «поп святого Николы» [Там же: 58]. Упоминание монахини не значит, что речь идет о традиционном монастыре: характерной чертой церковного устройства средневекового Новгорода было проживание монашествующих на городских усадьбах [Мусин 2003: 117–118]. Поэтому и сторож Семен вполне может быть церковным, а не монастырским. Степанида, названная между черницей и сторожем и сама, видимо, не являющаяся монахиней, могла быть, например, просвирней (проскурницей). В целом круг упомянутых в грамоте лиц производит впечатление приходской общины, объединяющей мирян и клириков.

Из рыбы, кроме лосося, упоминается *торпица* — уменьшительное от *торпа* ‘форель’, от фин. *torppu*. Слово и его производные широко распространены в говорах Обонежья [Мызников 2003: 197–199]. Самой ранней фиксацией лексемы была до сих пор запись в Писцовой книге Обонежской пятины: *на Шуе реке кол, а ловят в нем лососи и торпу* [Слов. XI–XVII, 30: 67, 1563 г.] (характерно, что и здесь *торпа* выступает в паре с лососем).

Отметим следующую особенность содержательной и синтаксической организации текста. Из девяти названных лиц получатели лосося собраны в начальной и конечной частях перечня, построенных по модели «X-у лосось». Получатели менее дорогой форели сосредоточены в середине грамоты, при этом в двух случаях из трех к форели имеется добавка — в виде икры и сушеной рыбы. Присоединяющий ее союз *да* стоит и перед именем Федора, которому досталась только форель. Благодаря этому *да* присутствует во всех трех клаузах с упоминанием «торпицы», связывая срединную часть грамоты в синтаксическое целое и противопоставляя ее начальной и конечной триадам.

Написание *Серькию* пополняет уже довольно значительное в берестяных грамотах число примеров непозиционной мены глухих и звонких согласных, см. [Бобрик 2014: 197–198].

Зехно — гипокористика канонического имени *Зиновии*, которое в новгородских текстах обычно пишется через *ѣ* (берестяные грамоты № 308, 579, пергаменные грамоты № 195,

241 [ГВНП: 228, 258]), но иногда также через *е* (в грамотах, не смешивающих *е* с *ѣ*). Отметим также сохранение ъ в суффиксе этого имени; ср. *Грихънѣ*, *Стехъно*^в в № 496, на фоне отсутствия других примеров внутрисловного ъ.

№ 1149. Раскоп на Софийской набережной — завод «Богемия». Фрагмент письма с утраченным верхом и правым краем.

…|… [нa]д[ъ п](є)[ць]к[о]- … … (дє)=
[ньг]и за дверьми а вхо[і] клани(сѧ) …
а у павла в шурина своєго возми полътора …

Во 2-й строке буква *к* в *клани…* исправлена из *а*. В 3-й строке *и* в шурина исправлено из *е*.

Вероятные конъектуры для концов 2-й и 3-й строк: (*братиі моеі*) и (*рублѧ*).

Стратиграфическая дата: первая половина XV в.

Внестратиграфическая оценка: предпочтительно не ранее 1360-х гг. — не позднее 1380-х гг. Существенное расхождение со стратиграфической датировкой, видимо, объясняется тем, что писавший был стар.

Перевод (с конъектурами): '…над печкой. И возьми [2–4] деньги за дверьми. И кланяйся всем (моим братьям), а у шурина своего Павла возьми полтора (рубля)'.

Письмо адресовано человеку, который должен зайти в дом автора в его отсутствие. Ему предписывается забрать припрятанные «за дверьми» (то есть, по-видимому, за дверным косяком) монеты, поприветствовать братьев автора и взять у одного из них, шурина адресата, полтора рубля.

Реконструируемое *клани*(*сѧ*) — такое же, как в грамоте № 1102, возникшее из *кланѧисѧ* через стадию *кланѧисѧ* с дальнейшим ослаблением [ej] до [иj] и записью его как *и*, см. [Гиппиус, Зализняк 2018: 20]. Аналогично (с точностью до отсутствия *j*) может объясняться и необычное написание *полъ питѣ* (вместо *пѧтѣ*) в № 1050 (1 четв. XII в.). Гиперкорректной реакцией на сближение безударного *е* с *и* может быть и попытка записи через *е* слова *шурина*.

Варьирование написания повторяющегося предлога (*у Павла в шурина*) отражает нейтрализацию /в/ и /у/ в предконсонантной позиции.

Д. ед. ж. *вхоі* — очередной пример отсутствия рефлекса прогрессивной палатализации в основе местоимения 'весь' в древненовгородском диалекте.

[*На*]*д*[*ъ п*](*е*)[*ць*]*к*[*о*](*ю*), если слово прочитано правильно, — самое раннее свидетельство уменьшительного *печка* (до сих пор таковым был пример из текста конца XVI в. [Слов. XI–XVII, 15: 40]).

№ 1150. Раскоп у дома № 7 по Редятиной улице. Начало реестра.

[ȣ] фелара чаша · ȣ брата єго [ч]… |(…)

Стратиграфическая дата: вторая половина XII — начало XIII в.

Внестратиграфическая оценка: не ранее 1160-х гг. — предпочтительно не позднее 1210-х гг.

На *ч*, скорее всего, начиналось слово *ч*(*аша*). Чаши в берестяных грамотах упоминаются впервые. В каком качестве они здесь фигурируют, неясно. Флар и его брат могут быть ремесленниками, а грамота — фиксировать распределение заказов. Другая возможность подсказывается грамотой № 671, состоящей из однотипных фраз вида «У Х-а лукно (или несколько лукон)». Издатели предположительно трактуют этот документ как запись разверстки меда — например, для праздничного пира. С подобной ситуацией может быть связан и комментируемый текст.

За написанием *Фелара*, скорее всего, стоит произношение [фьлара], с твердым *р* и вставным *ь*. Народный вариант *Фларъ* у канонического имени *Флоръ*, по-видимому, существовал наряду с более распространенным *Фларь*, ср. *къ Ѳлароу* в грамоте № 112

(кон. XII — 1 треть XIII в.). Что же касается вставного гласного, то теперь на три примера с ⟨*ь*⟩ (помимо рассматриваемого, также *Ѳеларю* № 443 [нач. XIII в.], *Ѳеларь* № 553 [кон. XII в.]) приходится один с возможным ⟨ъ⟩: *отъ Фолар-* № 243 (сер. XII в). В последней грамоте, однако, имеет место эффект скандирования: *мерьтова*, что позволяет считать и *о* в *Фолар-* чисто орфографическим. Таким образом, вставка *ь* в этом имени, нарушающая общий принцип выбора между *ъ* и *ь* в зависимости от твердости или мягкости последующего согласного [ДНД: 83], была последовательной, что объединяет его с именем *Павьлъ*. В последнем вставной *ь* выступает перед слогом с непередним гласным в четырех примерах из грамот XII — нач. XIII в., при отсутствии примеров с ⟨ъ⟩ [Там же: 84]. Заметим, что формами этих двух имен исчерпываются имеющиеся в берестяных грамотах примеры вставных редуцированных перед *л*. Особое поведение в данном отношении именно этой фонемы стоит сопоставить с многочисленными отклонениями от этимологически правильной записи слогов с [л] и [л’] типа *лоудье* № 870 (сер. XII в.) или *послѧлѧ* № 682 (2 пол. XII в.). А. А. Зализняк допускает связь этого явления с наблюдаемым в северновеликорусских говорах сдвигом [л’] в сторону «среднего» [l], а [л] в сторону [ɫ] или [w] [ДНД: 80]. Возможно, особая реализация противопоставления твердого и мягкого *л* сказалась и на выборе вставного редуцированного в заимствованных именах.

№ 1151. Раскоп у дома № 7 по Редятиной улице. Письмо из семи строк с утраченной правой частью.

+ ѡ : волиле ко ста[в]…
шеле есте из города …
водавоше а вамо б…
ти коу во [г](о)[роде да] …
ваше с…
мне коун- …
коуне : во…

Коу в 4-й строке — скорее всего, недописанное *коу*(*не*). Буква после *с* в 5-й строке могла быть *т* или *ы* (ъ в грамоте последовательно заменен на *о*).

Стратиграфическая дата: вторая половина XII в. — начало XIII в.

Внестратиграфическая оценка: предпочтительно не ранее 1140-х гг. — предпочтительно не позднее 1210-х гг.

Утраты в первых строках допускают короткую реконструкцию, независимо предложенную также Д. В. Сичинавой. По-видимому, получатель письма разрезал его на два симметричных Г-образных куска, из которых сохранился один; в строках 1–4 утрачены меньшие части, в строках 3–7 — большие. Исходя из такой оценки утрат, можно предположительно восстановить и продолжение текста. Запишем текст грамоты еще раз, с реконструкцией утраченных фрагментов и исправлением в 4-й строке (примерная реконструкция окончаний строк 4–7 набрана гражданским шрифтом):

+ ѡ : волиле ко ста[в](рови по)=
шеле есте из города (коуно не)
водавоше а вамо б(ѣило вода)=
ти коу⟨не⟩ во [г](о)[роде да] (полѧти)
ваше с[ѣı](но а не присолете)
мне коун(о а ѧзо хоцоу седе)
коуне : во(зѧти на) …

При такой реконструкции ситуация грамоты видится следующей. Задолжавший автору сын Ставра был задержан в Новгороде (возможно, посажен в темницу). Ставр с женой (и каким-то еще родичем, судя по мн. числу *пош⟨ьлѣ⟩ есте*) были в городе и могли забрать сына, заплатив его долг. Но они уехали из города, не сделав этого. Автор предлагает

Ставру прислать деньги, угрожая в противном случае взыскать их с какого-то третьего лица, связанного с адресатом.

Параллель к реконструируемой ситуации в целом содержит грамота № 421 (1 пол. XII в.): *Поиди соуноу домовь, свободне еси ⟨…⟩ ѧ заплатиль 20 гр҃внъ а ты свобонь* ‘Иди, сын, домой — ты свободен. ⟨…⟩. Я заплатил 20 гривен, и ты свободен’. Для перехода со 2-й строки на 3-ю ср. № 724 (60-е гг. XII в.): *да остать дани исправити было имъ до~сени.*

Перевод реконструированного текста: ‘От Волилы к Ставру. Вы уехали из города, не заплатив денег. А надо было вам (заплатить) деньги и (забрать) вашего сына. (Если не пришлете) мне деньги, я возьму деньги с (такого-то)’.

Графика бытовая, с последовательными заменами ъ на *о*, ь и ѣ на *е*. Буква *ω* использована в фонетическом значении [отъ], то есть читается как ее азбучное название. Такое использование *ω* могло, путем экстраполяции, стать источником фиксируемой в ряде грамот практики записи предлога *отъ* в виде *о*, ср. *о матьри* № 350, *о женѣ* № 931, *о Словѧтѣ* № 1050.

Имя *Волила* встретилось впервые. По происхождению это может быть гипокористика двуосновного имени с начальным *Вол-*. На восточнославянской территории такие имена не представлены, но известны у западных и южных славян. Имя Wolimir (с вариантами Wolemir, Wolmir) было широко распространено в средневековой Польше [SSNO, VI: 189–91]; ср. также ст.-серб. *Волица*, трактуемое как гипокористика к *Волиславъ* [Грковић 1986: 59–60]. В Новгороде это антропонимическое гнездо представляет скоморох *Волех*, упомянутый в писцовой книге Бежецкой пятины [НПК, VI: 403]; в той же пятине значится и деревня *Волехово* [Там же: 309]. *Волехъ* и *Волила* образуют точно такую же пару, как *Радехъ* (№ 320/337, нач. XIV в.) и *Радила* (№ 924, кон. XII в.).

№ 1152. Раскоп у дома № 7 по Редятиной улице. Начальная строка деловой записи без правого края.

оу торопьчанина на довоу во[з]оу по п[ѧти] поу[дово] и по три бь[р]ьк[овьск]-
---------оу[ьк]- …

Буква перед *о* на выходе из лакуны может быть *ж* или *ш*, с некоторым предпочтением первого.

Стратиграфическая дата: середина — вторая половина XII в.

Внестратиграфическая оценка: не ранее 1140-х гг. — предпочтительно не позднее 1190-х гг.

Перевод: ‘У торопчанина на двух возах по пяти пудов и по три берковца…’.

Торопец в берестяных грамотах встретился впервые. В XII в. он был центром княжества, выделенного из Смоленской земли по завещанию Ростислава Мстиславича. Характерно, что древнейшее упоминание этого города связано с торговлей. В статье 1074 г. Повести временных лет о киево-печерском монахе Исаакии сказано: «ꙗко^ж^ и ѥще сущю ѥму в мирѣ, в житьи мирьстѣмь, и бг҃ату сущю ѥму, бѣ бо купець родом торопечанинь» [Лавр.: 191]. Такой же купец-торопчанин действует и в комментируемой грамоте. На двух возах он везет товар общим весом 70 пудов (берковец равен 10 пудам). Основными предметами экспорта из Смоленской земли были воск и мед, так что в грамоте, скорее всего, упоминался один из этих товаров. Какой же именно? Ответ на этот вопрос могло бы дать частично сохранившееся слово на выходе из лакуны. Прочтение спорной буквы как *ш* ведет к конъектуре (*го*)[*рш*]*очь*[*к*]-, трактовка ее как *ж* — к конъектуре (*кроу*)[*ж*]*очь*[*к*]-; в первом случае речь идет о горшках с медом, во втором — о кругах воска. Обе версии находят поддержку в источниках. Ср. в московской таможенной книге: «…явил вязьмитинъ … Савелей Кузмин … на 3 санях 22 кади, 2 лубки, 8 горшков меду сырцу 55 п⟨удов⟩ 30 ф⟨унтов⟩» [Сакович: 13]; в вологодской таможенной книге 1634–1635 гг.: «Села Фрязинова Иван Ананьин явил в проезд на санех 12 п⟨удов⟩ воску в 2 кругох» [ТКВ: 177, л. 298]. Но если горшок как малая мера меда для таможенных книг маргинален, то круги воска упоминаются

в них во множестве как основная форма его реализации; встретился и диминутив *кружекъ*: «Переславец Игнатей Петров явил на санех кружек воску» [Там же: 416, л. 700 об.]. *Кругъ воску* фигурирует и в берестяной грамоте № 1054 (2 пол. XIII в.). Более вероятно, таким образом, что торопчанин вез воск в «кружках». В окончании фразы, по всей вероятности, называлось их количество: *…и по три бърьковьскѣ воскоу*, *кроужочькъ* <столько-то>.

Замечательна структурная близость текста грамоты к приведенным таможенным записям XVII в. В обоих случаях указывается происхождение купца, транспортное средство, название товара, его вес и форма. Перед нами, таким образом, еще один яркий образец раннедревнерусской «протодокументации», на четыре века опережающий известные образцы таможенных книг, самые ранние из которых относятся к началу XVII в. Поскольку роль таможенного сбора выполняло в эту эпоху мыто, жанр текста можно определить как мытную запись. Скорее всего, грамота содержала целый ряд подобных записей: при длине более 40 см она вряд ли могла быть однострочной.

Весьма вероятно, что, как и в таможенных книгах XVII в., в утраченном конце записи указывалась сумма мыта, взысканного с проезжающего (или прибывшего в Новгород) купца. В договоре Новгорода с князем Ярославом Ярославичем 1270 г. о размере мыта сказано: «А у мыта у новгородца и у новоторъжца по двѣ вѣкшѣ от воза, и от лодие, и от хмелна короба, и от льняна» [ГВНП: 12, № 2]. Формулировка предполагает, что для купцов из других земель ставка мыта могла быть иной. Указание в грамоте на происхождение купца (особенно характерное на фоне отсутствия имени) может быть связано с тем, что от него зависел размер взимаемой пошлины. Известно также, что с торговцев воском взималась особая пошлина; в Смоленске она называлась *вощець* и противопоставлялась мыту, см. в договоре 1239 г. «а ω(т) Смолѣньска чистыи путь до Ригы, а не надобѣ имъ ни вощець ни мыто» [СДРЯ, 1: 478]. В Новгороде, где сбор этой пошлины находился в ведении «Ивановского ста» — корпорации купцов-вощников, ее размер очень сильно зависел от происхождения товара. См. в «Рукописании великого князя Всеволода» (XIII в.): «А у гостя имати: у низовьского от дву берковьсков от вощаных пол гривны сребра да гривенка перцю, а у полочкого и у смоленьского по две гривны кун от берковьскаго от вощаного, а у новоторжанина полторы гривны кун от берковьска от вощяного, а у новгородьца 6 мордок от берковьска от вощяного» [РЗ: 265]. Если на «торопчанина» распространялась та же ставка, что и на «смоленского гостя», то с привезенных семи берковцев воска он должен был заплатить целых 14 гривен кун.

№ 1153. Иоанновский раскоп. Целое письмо на двух сторонах берестяного листа.

поклоно ѿ жены ко борисоу боу[ди] семо (ко)
зарокоу на воздвижение ажь ты не боуши [с]-
жоноу и дети {к}кнажь поімало а выроуцило не зат-
і лазаре і глебо і зароко оуцинили боуди сьм[о]

на обороте:

іли не а княже молви тако а сражоу а оуме[н]=
ша

Во 2-й строке в слове *воздвижение* первое *е* написано поверх начатого *з*. После *с* в конце строки утрачена только одна буква; форма выпавшего в этом месте фрагмента делает наиболее вероятной реконструкцию ее как *и*. В 3-й строке после *дети* был первоначально написан слог *жа*. Затем правую часть буквы *ж* писавший переделал в *н*, а левее вписал над строкой *к*, получив таким образом начальное *кн* слова ‘князь’. Сочтя эту правку неудачной, он начал слово заново, сделав *к* на основе правой мачты *н*; при этом первое *к* осталось незачеркнутым. На обороте после *іли не* писец прочертил две вертикали, возможно, собираясь написать *іли не п(ридеши),* но, не окончив фразу, сделал отступ и начал новую.

Стратиграфическая дата: середина — вторая половина XIII в.

Внестратиграфическая оценка: 1240-е — 1270-е гг.

Последняя буква 3-й строки определяется неоднозначно. Ее сохранившаяся часть более всего подходит для *е*, но имеется и некоторая вероятность трактовки этой буквы как *а*. В первом случае приходится предполагать пропуск слога во фразе *а выроуцило* ⟨*ме*⟩*не зѧт*[*е*]; при выборе второй возможности (предложенной Е. Ю. Щегольковой) можно прочесть имя *Незѧт*[*а*] ⟨*Нѣжѧта*⟩.

В словоформах *кнѧжь* и *кнѧже* естественно, казалось бы, видеть субстантивированные притяжательные от *кнѧзь*, означающие ‘человек князя’; ср. такое употребление прилагательного *посадничь* в № 358 (сер. XIV в.): *с посадницимъ Мануиломъ*, № 463 (нач. XIV в.): ⟨*переими*⟩ *посадници.* В найденной в 2023 г. грамоте № 1171 (2 пол. XV в.) фигурирует «посаднич» Степанец, о котором сказано, что *он изимавъ Кондратка*, *взѧлъ на немъ* [некоторую сумму]. Однако для притяжательного *княжь* субстантивированное употребление до сих пор не фиксировалось, при том что оно регулярно встречается в качестве определения: *княжь мужь* № 109, *княжь дѣтьскыи* № 222, Торж. 13. Странным при такой трактовке кажется и то, что персонаж, играющий в тексте ключевую роль, не назван по имени (ср. упоминание по именам «посадничьих» в двух приведенных примерах)[3]. Более вероятно поэтому, что за обоими написаниями стоит И. ед. *кнѧзь* с эффектом шоканья: актуальный новгородский князь в берестяных грамотах всегда безымянен. О том, что шоканье действительно было свойственно говору писца, говорит начатое *з* после *ж* в слове *воздвижение*, ср. *прикажзиваѥши* в № 99 (сер. XIV в.), наряду с *зеребе* ‘жеребьи’. Этим эффектом может объясняться также начатое *жѧ* в третьей строке: возможно, писавший имел в виду слово *зѧть*, появляющееся в тексте далее, но решил написать сначала о действиях князя. Отражение шоканья предполагает и чтение *Незѧт*[*а*]; но в этом случае начатое *жѧ* остается без объяснения.

Перевод: ‘Поклон от жены к Борису. Прибудь сюда к [назначенному] сроку на Воздвижение. Если не прибудешь, [знай:] жену и детей захватил князь. А вызволил меня, поручившись, зять (при другой трактовке: Нежата), и Лазарь, и Глеб, и срок назначили. Прибудь сюда’. Приписка на обороте: ‘А князь говорит так: «Я совершу суд, уменьшив [размер штрафа]»’.

Слово *зарокъ* в значении ‘срок’ было до сих пор известно по книжному контексту из «Закона судного людям» [СДРЯ, 3: 343] и нескольким примерам в Псковской судной грамоте [Слов. XI–XVII, 5: 288], где таким образом обозначается срок долгового обязательства. Глагол *выручити* выступает здесь в юридическом значении ‘освободить, дав поручительство’, известном по так называемым поручным записям XVI в. Приведем пример этого типа документации, проливающий свет и на ситуацию комментируемой грамоты: «Се яз, Федор Ондреев сын Волков Курицын, да яз, Иван Петров сын Назимов, да яз, Богдан Федоров сын Пустошкин, все мы дети боярские Шелонские пятины Щепецкого погоста выручили есми у царя и великого князя дияков у Посникова Дмитриева сына Хворощина да у Ильи у Осеева Данилова человека Еремеева Третьяка в том, что ему поставити за нашею порукою в Великом Новегороде перед государевыми дияки перед Посником Хворощиным да перед Ильею Осеевым государя своего Данилу Молчанова сына Еремеева на срок на Веденьев день святий Богородицы лета 7080 пятаго» [НКРЯ, Поручная запись детей боярских Шелонской пятины Федора Андреева сына Волкова Курицына и др., 1576]. Здесь объектом поруки выступает задержанный великокняжескими дьяками слуга Данила Еремеева по имени Третьяк. Ему вменяется в обязанность доставить в суд («поставить перед дьяками») своего господина к назначенному сроку — празднику Введения во храм Пресвятой Богородицы. В ситуации грамоты задержанная князем жена Бориса, отпущенная под поручительство зятя (или Нежаты), Лазаря и Глеба, должна обеспечить

[3] Как пример использования слова *посадьничь* в роли существительного со значением ‘лицо, находящееся на службе у посадника’, в [СДРЯ, 7: 240] трактована надпись на печати XIV в.: *новьгорочкаѧ печать и посаднича.* Но эта трактовка ошибочна: в действительности прилагательное здесь употреблено атрибутивно, как определение к *печать*.

явку на суд собственного мужа. В роли судьи выступает при этом князь, что отвечает новгородским реалиям середины XIII в. *Сърѧдити* — перфектив к *рѧдити*, означающему одновременно ‘управлять’ и ‘судить’. Ср. в синхронных грамоте договорах Новгорода с Ярославом Ярославичем: *А и~Суждальскои ти земле Новагорода не рядити, ни волостии ти не роздавати* [ГВНП: 10, № 1]; *А бес посадника ти, княже, суда не судити, ни волостии раздавати* [Там же: 12, № 3]; ср. также разночтение в рассказе о призвании варягов: *иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву* [Лавр.: 19] / *рѧдилъ по рѧду по праву* [Ипат.: 14].

Из текста грамоты следует, что задержание князем жены и детей Бориса — не акт государственного произвола, а действие, предусмотренное законодательством. Правовые тексты древнерусского времени содержат только два упоминания санкций в отношении правонарушителя, распространяющихся на его жену и детей. В статье договора Смоленска с Готландом и Ригой 1229 г. читаем (в готландской редакции): «Аже розгнѣваеть сѧ кнѧзѣ на своѥго ч(е)л(о)в(е)ка, а боудѣте винъватъ немчи|цю роусинъ, *а ѡтимьть кнѧзѣ все женоу и дѣти оу холъпство*: пѣрвоѥ платити ѥмоу латинину, | а по томь кнѧзю какъ любо съ своимь ч(е)л(о)в(е)к(о)мь». В рижской редакции выделенным словам соответствует: *повели|ть его розграбити съ жоною съ дѣтми* [СГ: 21, 36]. Эту статью сопоставляют со статьей 7 Пространной Правды: «Оже станеть без вины на разбои. Боудеть ли сталъ на разбои безъ всѧкоѩ свады, то за разбоиника людьѥ не платѧть, нъ выдадѧть и всего съ женою и съ дѣтьми на потокъ а на разграблениѥ» [ПрР, Синодальный список, л. 616]. Под «разбоем» здесь имеется в виду убийство, совершенное без всякого повода; применяемые в этом случае «поток и разграбление» — высшая мера наказания, применявшаяся в Древней Руси [Лукин 2008].

В свете всего сказанного ситуация грамоты выглядит следующей. Борис совершил тяжкое преступление (возможно, неспровоцированное убийство) и бежал, скрывшись в Немецком дворе. Князь, действуя в рамках закона, предусматривающего выдачу убийцы с женой и детьми на «поток и разграбление», захватил жену и детей Бориса. Зять (муж сестры?) Борисовой жены (в другой версии — Нежата) вместе с Лазарем и Глебом освободили ее и детей, поручившись за них. Назначен срок судебного разбирательства — на Воздвижение. Жена настоятельно просит Бориса явиться к этому дню. В приписке на обороте добавлено: князь обещает, что он проведет суд, уменьшив размер штрафа.

О возможной идентификации Бориса и Лазаря с упомянутыми в летописи под 1268 г. Борисом и Лазарем Ильдятиничами [НПЛ: 86] см. [Гайдуков, Гиппиус, в печати].

Фонетические диалектизмы грамоты — смешение *ц* и *ч* и *ж* и з — контрастируют с наддиалектной морфологией: *ѿ жены*, *выруцило*, *поімало*. В *молви тако* скорее, чем нулевое окончание 3 ед., следует предполагать необозначение удвоенного согласного на стыке словоформ: [молвит:ако]. С коррекцией диалектной морфологии может быть связано отсутствие перехода *е* в *о* в *ѿ жены* при его наличии в *жоноу*: как заметила (устно) Н. А. Седукова, эта форма могла быть получена путем механической замены окончания в диалектном *ѿ женѣ*, где фонетические условия для перехода *е* в *о* отсутствовали.

В написании *не боуши* следует видеть не описку, а аллегровый вариант к *будеши*; ср. *буше* ⟨*бушь*⟩ в грамоте № 273 (2 пол. XIV в.), ранее трактованное таким образом в связи с *хошь* (< *хочешь*) в № 1126 (кон. XIV — нач. XV в.) [Гиппиус 2021: 73]. Сокращению могла подвергнуться как старая форма *будеши*, так и новая *будешь* — в этом случае окончание -*ши* следует объяснять консервативностью морфологической установки писавшего.

Оуменша — инновационная форма презентного причастия от глагола совершенного вида, синонимичная причастию прошедшего времени. В берестяных грамотах такие формы фиксируются начиная с древнейшей эпохи: *не поустѧ* № 912 (2 пол. XI в.), *розвѣсѧ* № 1084 (2 пол. XII в.), *възмѧ* Ст. Р. 17 (2 пол. XII в.) и др.; только они выступают в составе этикетной формулы *добрѣ сътворѧ* (№ 9, 87, 735, 841, Ст. Р. 17, Вит. 1). Заметим, что эта словоформа является также и древнейшей фиксацией глагола *умьньшити*; ср. представленный с древнейшей эпохи, но только в переводной книжности глагол *умьнити* [Срезневский, III: 1219].

В условном придаточном *ажь ты не боуши* союз употреблен иллокутивно, связывая его пропозицию не с пропозицией главного предложения, а с подразумеваемым ‘имей в виду’. Ср. похожую конструкцию в Синодальном списке Новгородской 1-й летописи: «аже не иметеся по число, то уже полкы на Низовьскои земли» [НПЛ: 82, л. 137, 1259]. Из-за утраты последней буквы второй строки, к сожалению, неясно, как были соединены клаузы, однако главное предложение явно не вводилось ожидаемым в таких случаях союзом. Реконструируемое [*си*] остается трактовать как усилительную частицу, что предполагает ритмико-синтаксический барьер после *ты*; но параллелей к такому употреблению *си* мы привести не можем. Грамматически избыточное подлежащее *ты* — единственный пример такого рода в фонде берестяных грамот — по-видимому, также несет в себе эмфазу, подчеркивая сопоставление возможной неявки в суд адресата с фактом ареста его жены и детей. При этом упоминание жены Бориса в третьем лице не обязательно связывать с написанием письма под диктовку — это может быть и условность эпистолярного этикета, см. [Гиппиус 2004: 210–211].

№ 1154. Раскоп на Софийской набережной — «Богемия». Целый документ.

Стратиграфическая дата: первая половина XV в.

Внестратиграфическая оценка: не ранее 1400-х гг.

Текст читается справа налево и содержит начало азбуки. За *Д*, вместо ожидаемого *Е*, следует *И*. С обратным направлением письма корреспондируют намеренно измененные начертания первых четырех букв, написанных зеркально и/или повернутых на 90°: *А* отражена по горизонтали, *Б* отражена по горизонтали и повернута на 90° влево, *В* и *Г* повернуты на 90° вправо. Буквы *Д* и *И* выступают в неизмененном виде. Причина этого, одновременно объясняющая, почему за *Д* следует *И*, а не *Е*, может заключаться в том, что последовательность *АБВГД* «сцеплена» в грамоте с сокращением *гди* <господи> таким образом, что буквы *г* и *д* принадлежат одновременно началу азбуки и этому сокращению. Как заметил (устно) Д. С. Крылов, этот эффект напоминает упражнения Онфима (сер. XIII в.), также любившего соединять фрагменты «внахлест», через совпадающие буквы или слоги (см. об этой особенности грамот Онфима: [НГБ XI: 218–219]). Так, в грамоте № 206 Онфим, написав *ѧко же бе* ⟨*ѧко же бѣ*⟩ (сочетание, часто встречающееся в Библии и гимнографии), продолжил его складами *ве*, *ге*, *де*… В пользу вычленения в тексте обращения *г*⟨*оспо*⟩*ди* свидетельствует грамота № 330 (2 пол. XIII в.), на одной стороне которой читается начало азбуки, также обрывающейся на Д, а на другой — молитва *Ги помози рабу своему* (заметим, что титло над сокращением *ги* и здесь отсутствует). То, что в обоих случаях азбука доведена до *Д*, кажется неслучайным. В том же объеме начало азбуки выступает в № 444 (кон. XII в.), а также в надписи из Георгиевского собора Юрьева монастыря [Гиппиус, Щеголькова, в печати]. По-видимому, последовательность АБВГД воспринималась как представляющая азбуку в целом. Аналогичное восприятие начальных букв латинского алфавита, также до *D*, выражает слово

abecedarium. Ср. обозначения алфавитов по первым двум (*алфавит*, *азбука*), трем (*ABC*), шести (*футарк*) буквам.

О прагматике текста можно строить предположения. Она могла быть как игровой, так и молитвенно-магической (при этом одно совсем не исключает другого: в уже упомянутой грамоте № 330 азбука и молитва уживаются со скабрезными шутками). В берестяных грамотах запись справа налево представлена только в № 674 (кон. XII в.), содержащей цитату из 54-го псалма, использованную в качестве оберега. Однако в эпиграфике она засвидетельствована и стандартными молитвами вида *Господи, помози*… [Gippius, Mikheev 2023: 164]. В славянской народной культуре, как и во многих других, алфавит и особенно его начало обладают ореолом сакральности [Толстой 1995: 102–103]. Особая запись, специально затрудняющая восприятие текста, равно как и нетривиальное «сцепление» начала азбуки с молитвенной инвокацией, должны были служить усилению этого ореола. Размещенный на небольшом, аккуратно вырезанном куске бересты, текст вполне мог использоваться в качестве апотропея[4].

№ 1155. Раскоп на Софийской набережной — «Богемия». Фрагмент челобитной с утраченным верхом и левым краем.

…|… **а намъ ѻспо[д]єнє дать силѣ нѣтъ · а**
… **(сво)[є]му ѻсподарю мно[г]о целомь бь[ю](мъ)**

В слове **ѻспо[д]єнє** первое *е* написано по ошибке вместо *и*.

В начале второй строки уверенно реконструируется (*мы тобѣ*).

Стратиграфическая дата: первая половина XV в.

Внестратиграфическая оценка: не ранее 1350-х гг.

Перевод: '…а нам, господин, дать [это] силы нет. А (мы тебе), своему господарю, много бьем челом'.

По всей вероятности, челобитной предшествовало распоряжение прислать оброк, типа содержащегося в грамоте № 253 (2 пол. XIV в.): *ѿ Маскима ко десѧсцѧнамо. Дать Мелѧну 8 деже накладо и ве⟨ре⟩ши*. Отвечая на него, крестьяне пишут, что они не в состоянии выполнить требование, и заключают письмо усиленным челобитьем.

Для *силѣ нѣтъ* ср. в № 370 (2 пол. XIV в.): *аже ѥму будьть сидить*, *нам{ам}ъ сили ниту сидити.*

Значительный интерес между тем представляет само сочетание слов «господин» и «господарь»[5]. В то время как первое выступает в челобитных как немаркированное обозначение адресата, второе выражает особую почтительность и обнаруживается, помимо комментируемой грамоты, только в двух документах первой четверти XV в., представляя собой формульную инновацию. Грамота № 465 содержит фрагментированное начало письма: *Цолобитье* [*ѿ*] … (*к осподи*)|*ну к осподар*(*ю*) … …|---[*к*]*ому Коста*… Публикуя ее, издатели отметили, что слово *господарь* в XV в. «уже приобрело политический характер, обозначая носителя высшего государственного суверенитета», и что реконструируемое сочетание (*к осподи*)|*ну к осподар*(*ю*) входило в состав полного великокняжеского титула [НГБ VII: 62]. Это дало основание отождествить адресата грамоты с князем Константином Дмитриевичем, который в феврале 1420 г. после конфликта с братом, московским князем Василием

---

[4] Высказавшая это предположение Е. Ю. Щеголькова пошла дальше, считая, что помимо начала азбуки в грамоте, в замаскированном виде, присутствует сочетание 'ангел господень' (доклад на конференции «Древняя Русь глазами молодых исследователей» 4 марта 2023 г., ИРЯ РАН). На наш взгляд, эта трактовка представляет собой пример гиперинтерпретации.

[5] Обычная для берестяных грамот запись слов *господинъ* и *господарь* с начальным *о*- отражает, как давно установлено, реальное произношение этих лексем, возникшее как результат адаптации на севере великорусской территории искусственного книжного произношения с фрикативным [ɣ], см. [Успенский 2002: 157].

Дмитриевичем, был приглашен на новгородский стол и в течение года княжил в Новгороде, титулуясь великим князем. К сожалению, грамота не вошла в сводку данных А. Золтана, фиксирующего первые примеры употребления в великорусских документах слова *господарь* в значении ‘верховный правитель’ в договорных грамотах Василия II с Дмитрием Шемякой [Золтан 1983/2002: 573]. Между тем она хорошо вписывается в его концепцию, согласно которой в титулование московских правителей термин *господарь* проник из канцелярского языка Великого княжества Литовского, где таким образом стал первым титуловаться Витовт (1392–1430). Можно думать, что титулование господарем Константина Дмитриевича во время его новгородского княжения отражает прямо не засвидетельствованную источниками форму обращения к Василию Дмитриевичу. Последний, женатый на дочери Витовта Софье и связанный со своим тестем тесными политическими узами, как никто другой подходит на роль медиатора в трансляции термина из Литовской Руси в Московскую[6].

Вторая берестяная грамота XV в., в которой адресат называется *господином* и *господарем*, — № 963 — адресована архиепископу Симеону, занимавшему кафедру в 1416–1421 гг., то есть в то же время, к которому относится и грамота № 465. Здесь слово *осподинъ* открывает пространную адресную формулу, а *осподарь* завершает ее (при этом в остальном тексте адресат последовательно называется господином): *Осподину архиєпискупу новъго⟨ро⟩цкому влд҃кѣ Семену ст҃ѣ Бц҃и оуєздъ сиротѣ твои ошевьски погостъ ржевици тебѣ ⟨че⟩ломъ бьютъ вси ѿ мала и до велика осподарю.* Б. А. Успенский [2023: 9] рассматривает этот пример как ранний случай распространения именования князя (г)осподарем на этикетные формулы в целом. Так же, безотносительно к статусу адресата, он трактует и пример из № 465, цитируя грамоту по [ДНД: 68], где идентификация адресата с князем Константином Дмитриевичем отражения не нашла. Нельзя, однако, пройти мимо того факта, что из трех берестяных грамот, использующих связку *осподин ~ осподарь*, одна, возможно, обращена к великому князю, а другая — к новгородскому владыке. Ограничиваясь этой парой, можно говорить не о превращении формулы княжеского титулования в эпистолярный шаблон, но о чрезвычайно быстром перенесении возникшего при Василии Дмитриевиче нового наименования московского сюзерена на титулование архиепископа как фактического главы Новгородской республики. Что же касается комментируемого документа, то применительно к нему следует сформулировать альтернативу: или адресатом грамоты является князь или владыка, или же перед нами ранний пример использования пары *господинъ ~ господарь* не в отношении князей и иерархов (каковым, учитывая версию В. Ф. Андреева, в принципе может быть и грамота № 465). Ясность в этот вопрос могут внести только новые находки.

№ 1156. Раскоп на Софийской набережной — «Богемия». Левая часть двух последних строк письма.

…|…о · і тъı ѻ томо попецалуı · веди
… [цто д]оспиюц протор(ово) · в томо |…

Стратиграфическая дата: первая половина XV в.

Внестратиграфическая оценка: предпочтительно 1380-е — 1410-е гг.

Перевод: ‘…, ты об этом позаботься: веди… . А что будет расходов, это (я тебе возмещу)’.

Автор просит адресата препроводить названное лицо или лиц в указанный пункт и сообщает, что готов возместить понесенные дорожные издержки, *проторы*. Ср. в грамоте митрополита Киприана 1389 г. о греческих купцах: «Аще единою страною Рускою възвратятся [послы], имаемся приводити ихъ и всю торговлю ихъ своими проторы и наймомъ»

[6] Нужно заметить, однако, что предложенной издателями трактовке грамоты № 465 имеется альтернатива. Согласно В. Ф. Андрееву [1989], челобитная могла быть адресована не (*князю вели*)[*к*]*ому Коста*(*нтину*), а (*к посаднику новгородс*)[*к*]*ому к Оста*(*фии*), тем более что это имя упоминается в других грамотах того же комплекса. Правда, в списках новгородских посадников этого периода Остафья не значится.

[Слов. XI–XVII, 30: 57]. Другая возможность состоит в том, что отвести нужно было коней, ср. Ст. Р. 51: *поведи кони 3.* Для последней фразы ср. Тв. 2: *А цто даше провоза*, *ѧзо во томо до Торжеку* ‘А что заплатишь за провоз до Торжка, это за мной’. На слове *томо* грамота могла заканчиваться, если последняя фраза имела вид: [*цто д*]*оспиєц протор*(*а*, *а ѧ*) *в томо.* Однако точка перед *в* — на фоне двух других, мотивированных синтаксически, — делает более вероятным, что здесь начиналась клауза, заканчивавшаяся в следующей строке, например: *в томо* (*сѧ с тобою увѣдаю*).

За написанием [*д*]*оспиєц* стоит словоформа *доспѣѥтьсѧ*. Перед нами, по существу, фонетическая транскрипция диалектного произношения этой словоформы, с отражением перехода *ѣ* в *и*, ассимиляции согласных на морфемном шве, а также, по-видимому, полной утраты гласного возвратной частицы (маловероятно, чтобы отсутствие гласного после *ц* было простой ошибкой; ср. в крестьянском письме Е. М. Пешковой 1936 г.: *Председатель … никуда не годиц*[7]).

№ 1157. Раскоп на Софийской набережной — «Богемия». Целая запись из трех строк.

ꙋ ходжировѣи |в| глазнѣца у спиридано=
вѣи |в| локти нєпрѣ ꙋ прокшѣ со михѣємє |в|и
пєрєдкѣ

Стратиграфическая дата: XIII в.

Внестратиграфическая оценка: не ранее 1220-х гг. — не позднее 1370-х гг., предпочтительно 1240-е — 1270-е гг.

Перевод: ‘У жены Хотьжира — 2 бусины, у жены Спиридона — два локтя домотканого холста, у Прокши с Михеем — две пары передков’.

Перед нами запись о получении или предписание получить у названных лиц ремесленные изделия: бусы, полотно и заготовки для обуви.

Впечатляет концентрация нетривиальной бытовой лексики, обозначающей эти изделия. Слово *глазнець* было до сих пор известно по двум письменным фиксациям: в анонимном разговорнике сер. XVI в., где фигурирует *Glasnets*, определяемый как ‘драгоценный камень’ [СОРЯМР, 4: 89], и в акте XVI в. из Ревельского архива, в котором значение слова предположительно определено как ‘бусы’ («да купити ему глазенцов багровых крупных» [Слов. XI–XVII, 4: 29, статья *глазенцы*]. Ср. диалектное *гла́знецы* ‘стеклянное монисто’ [СРНГ, 6: 188, арханг.]. В «Архангельском областном словаре» находим *глазни́ц* с двумя значениями: ‘одна бусина или камешек в кольце, серьгах’ и ‘бусы’: *Пря́тка-то вся из глазнице́й, о́дин-то — глазни́ц*; *От йещё бу́сы называ́ли глазьници́* [АОС, 9: 91]. В грамоте под двумя глазнецами могут иметься в виду как две большие бусины, так и два набора бус[8].

С фонетической точки зрения замечательна запись этого слова с *ѣ*, выступающая на фоне последовательного отражения утраты слабых редуцированных (за исключением предлога *со*) и в остальном этимологически правильного употребления *ѣ* (шесть примеров). Сохранение гласного перед *ц* показывает, что в языке писца уже произошло обобщение основы с проясненным редуцированным, устранившее двойное чередование *глазнец* / *глазенц-*. Запись же этого гласного через *ѣ* позволяет думать, что рефлексом сильного *ь* был не [*е*], а закрытый звук, близкий к [ê]. А. А. Зализняк [ДНД: 67] уже указывал на ряд примеров в берестяных грамотах, могущих отражать такое развитие, а также переход сильного

[7] URL: http://pkk.memo.ru/letters_pdf/000405.pdf [дата обращения: 19.07.23].

[8] Нельзя также не сопоставить это слово с «глазками», фигурирующими в знаменитом рассказе одного из авторов Повести временных лет о посещении им Ладоги в 1114 г.: «Пришедшю ми в Ладогу повѣдаша ми Ладожане, ꙗко сдѣ есть, егда будеть туча велика нахо^д^ть дѣти наши глазкы стеклѧныи и малы и великыи провертанъı, а другыꙗ подлѣ Волховъ беруть, еже выполоскываеть вода, ѿ нихъ же взѧхъ боле ста, суть же различь» [Ипат.: 277]. Археологи единодушны во мнении, что эти «глазки» — не что иное, как глазчатые бусы, часто встречающиеся в культурных отложениях Старой Ладоги.

ь в [и]. Можно думать, что нестандартное отражение сильного еря стоит и за архангельским *глазниц* с необычным для слова мужского рода суффиксом. Отсутствие чередования с нулем звука в формах косвенных падежей должно было способствовать отождествлению суффикса, содержавшего этот особый рефлекс, с «этимологическим» *-иц-*. Показательны в этой связи другие примеры слов на *-иц* мужского рода, извлекаемые из Обратного словаря архангельских говоров [ОСАГ: 286] и обновленного прямого словника[9]. Это слова: *бруни́ц*, *е́звиц, ку́риц*, *швиц, при́швиц*, *у́мниц*, *я́звиц*. Как видно, в шести из восьми случаев (кроме первого и третьего) суффиксальный *и* соответствует ожидаемому *е*, не чередующемуся с нулем звука — в силу устранения перекрестного чередования или во избежание трудного сочетания согласных. При этом (*при*)*швиц* и *умниц* обладают той же морфонологической структурой с двумя этимологическими *ь* в основе, что и *глазниц*.

Слово *непрꙗ* встретилось ранее в грамоте № 133 (2 пол. XIV в.) в сочетании *кипу непрѣ.* Значение слова определялось по-разному, были предложены три версии: ‘нерпа, тюлень’ (с метатезой *рп* > *пр*, В. И. Борковский [НГБ III: 111]), ‘непряденый лен’ (< *непряд-*, А. Б. Страхов [1997: 287–288], по модели *не́ря* из *нерях-*), ‘домотканый холст’ (А. А. Зализняк [ДНД: 599], со ссылкой на вятск. *не́прядь* ‘грубая посконная полосатая ткань’). То, что в комментируемой грамоте *непря* измеряется в локтях, однозначно свидетельствует в пользу последней трактовки. Что же касается этимологии, то предполагаемой связи с *пряд-* существует более вероятная альтернатива, на которую мне указал С. Л. Николаев (письмо от 09.11.2022). *Непря* может быть связано с *пъря* ‘парус’, ранним прибалтийско-финским заимствованием (фин. *puria* ‘парус’), известным в первую очередь по рассказу Повести временных лет о походе Олега 907 г. [СДРЯ, 9: 348]. При допущении, что слово означало также ‘парусина’, *непря* так же соотносится с *пря*, как *негла* ‘лиственница’ — с *ель* [СРНГ, 20: 369], а *негость* ‘друг дома, член семьи’ — с *гость* [СРНГ, 21: 6]. По той же модели, как полагает С. Л. Николаев, и *непрядь* в указанном значении соотносится с *прядь* ‘шерсть после теребления и т. п.’. Однако, поскольку связь между понятиями в этом случае кажется более отдаленной, можно предположить и иное: не образовано ли *непрядь* от синонимичного, по сути, *непря* при помощи суффикса *-ядь*? Ср. *рухло* и *рухлядь*, также являющиеся синонимами.

Слово *передокъ*, известное из памятников и диалектов в нескольких значениях, по всей вероятности, обозначает в грамоте деталь обуви — верхнюю часть головки туфель или сапог. За написанием |*в*|*и передкѣ* стоит сочетание ⟨*двои передкѣ*⟩, закономерное, так как речь о двух парах заготовок.

В каком отношении находятся перечисленные предметы друг к другу? Мог ли холст быть использован, наряду с передками, при изготовлении, скажем, пары сапог? Словарный пример из документа XVII в. показывает, что в эту эпоху комбинация кожи и ткани в обувном производстве была в принципе возможна: «Скроены башмаки в сафьянѣ жолтомъ… нашито на передки 2 в⟨ершка⟩ бархату алово» [Слов. XI–XVII, 14: 28]. Однако для Новгорода XIII в. предполагать ее никаких оснований нет (благодарю за консультацию Д. О. Осипова). Поэтому, скорее всего, в грамоте названы изделия, непосредственно не связанные между собой. Ср., впрочем, № 56 (XII в.) — фрагмент списка, в котором наряду с подошвами упоминается водмол (тоже грубое полотно).

Имя *Ходжиръ*, вычленяемое из именования жены по мужу, — фонетическое продолжение исходного *Хотьжиръ*; ср. *Хотъжьръ* ⟨*Хотьжьръ*⟩ в грамоте № 800 (1 пол. XII в.). О вариативности корней *жир-*, *жьр-* (**žerti* : **žьrǫ*) и *жер-* (**žьrati* :**žerǫ*) в восточнославянской ономастике см. [Васильев 2012: 252–253].

В *Спиридановѣи* — характерная для Новгорода замена *о* на *а* в личных именах греческого происхождения, ср. *Онтанъ*, *Пороманъ* и др. [ДНД: 205].

[9] Благодарю заведующую кабинетом русской диалектологии кафедры русского языка филологического факультета МГУ проф. Е. А. Нефедову за предоставленную возможность его использовать.

Старая Русса

В 2022 г. в Старой Руссе были продолжены работы на Пятницком-II раскопе, расположенном в историческом центре города, археологической экспедицией Новгородского государственного университета (руководитель экспедиции Е. В. Торопова). При изучении пласта 20 в центральной части раскопа была найдена берестяная грамота **№ 53**. Грамота обнаружена на территории усадьбы Б в напластованиях, предварительно датированных первой четвертью XIII в. Это обрывок одной строки письма.

…|… [въ]земи вох- к… | (…)

Вероятная реконструкция: … [въ]земи вох[ѣ] к(оунѣ) … ‘возьми все деньги’. Грамота содержит очередной пример основы *вьх-* у местоимения ‘весь’, с сохранением *х* и ассимилятивным переходом корневого *ь* в *ъ* [ДНД: 54–55].

Грамота **№ 54** найдена на уровне пласта 21 на территории усадьбы Б в напластованиях рубежа XII/XIII вв. Она представляет собой полностью сохранившееся письмо.

ѿсьлицѣ к ъıваноу кри=
ни роукавиць оленихъ

Внестратиграфическая оценка: предпочтительно 1180-е — 1190-е гг.

Перевод: ‘От Ослицы к Ивану. Купи оленьих рукавиц’.

Поскольку *ь*, *е* и *ъ* в трех надежно прочитываемых словоформах употреблены стандартно, то же следует предполагать и относительно *ь* в имени автора. Это имя, следовательно, не могло быть *Селица* (ср. *Селѧта* № 632, 731). А так как **Сьлица* формой личного имени быть не может, следует думать, что лигатура ѿ употреблена здесь в фонетическом значении [ото] (см. примеры в комментарии к грамоте № 1142). В таком случае автора звали *Осьлица*. В принципе это может быть прозвище, образованное от названия животного. Нужно, однако, иметь в виду, что осел для Руси — животное сугубо литературное, и если бы такое прозвище существовало, то источником для него могла бы послужить разве что библейская Валаамова ослица (Числа, 25: 22–32). Другая возможность состоит в том, что *Ослица* — гипокористическая форма от прозвища *Осла*, образованного от соответствующего апеллятива со значением ‘точильный камень, оселок’. Ср. фамилии *Ослин*, *Оселков.* Трудность в этом случае составляет корневой *ь*, которого, согласно общепринятой этимологии, в этом слове не было [ЭССЯ, 36: 86]. Но *ь* здесь может быть и просто знаком мягкости. На то, что слабые редуцированные в языке писца уже были утрачены, указывает написание *к Ываму* — один из ранних примеров перехода начального *и* в *ы* после предлога, заканчивавшегося на *ъ*.

Императив архаичного глагола *крити* ‘купить’ выступает в новой форме *крини*, с корневым *и*, перешедшим из основы инфинитива, а не в древней *крьни* [Зализняк 1986: 174–175].

В сочетании *рукавиць оленихъ* представлена древнейшая и, по-видимому, единственная в древнерусских памятниках форма прилагательного *олень* ‘олений’. Ранее слово усматривалось в грамоте № 384 (2 пол. XII в.), в сочетании *вожѣ олени .к.и.*, переводившемся как ‘вожжи оленьи, 28 (штук)’ [Гиппиус 1997; ДНД: 358]; на этой трактовке базируется статья **олень**$_2$ в [СДРЯ, 7: 119]). Сейчас в грамоте уверенно вычленяется сочетание *вожѣ оленики*; согласно А. А. Зализняку, в нем выступает слово *оленик* ‘предмет из оленьей кожи’ [НГБ XII: 234]. П. В. Петрухин [2021], указав на отсутствие других примеров, в которых бы суффикс *-ик-* присоединялся к притяжательной форме, а также на необычность самого факта изготовления вожжей из оленьей кожи, предложил трактовать это слово иначе. Отправным пунктом для него послужило засвидетельствованное в старорусских памятниках слово *ольленикъ* (*олленикъ*) ‘тот, кто изготавливает лен для пряжи’, образованное от прилагательного *ольняной* (с вариантами *альляной*, *алляной*, *олленой*), восходящего к *льняныи*. По мысли

Петрухина, в грамоте мы имеем дело с претерпевшим ряд фонетических трансформаций словом *льняньникъ* или *льняник*, обозначающим изделие из льна (совмещение личного и предметного значений обычно для существительных на -(*н*)*ик*)[10]. Эта версия предполагает, что исходное слово, прежде чем отразиться в грамоте, пережило, помимо утраты слабого *ь*, три фонетических изменения: появление начального *о*, утрату первого *н* и переход *'а* в *е* между мягкими согласными. Хотя теоретически такое возможно, рассматривать столь сложную гипотезу имеет смысл лишь при исчерпанности вариантов объяснения, исходящих из прямого прочтения последовательности *олен-* как основы 'олень'. Между тем один из вариантов до сих пор использован не был, и именно он представляется наиболее вероятным. Слово *олен*(*ьн*)*икъ* (записанное с необозначением двойного согласного, возникшего после утраты слабого редуцированного) может обозначать не вожжи из оленьей кожи, а вожжи, предназначенные для управления оленями. Управление оленьей упряжкой действительно осуществляется при помощи особых вожжей, точнее, одной вожжи, представляющей собой длинную веревку, для которой существует специальное обозначение — *уткел* [СРНГ, 48: 172]; ср. [Даль, 4: 520]: «*Уткель* м. сиб. остяцк., вожжи оленьей упряжи». В связи с этим еще раз обратим внимание на весь список предметов, перечисленных в грамоте: **въже тръкъвище лъжици :в: ножа :в: бр8се : вожѣ олєники**. Следует согласиться с П. В. Петрухиным, считающим, что *тръкъвище* является в этом перечне отдельным пунктом ('полотно'), а не атрибутивным приложением при *въже*. Петрухин полагает, что сочетание *вожѣ оленики* добавлено в конце, чтобы уточнить, что имеются в виду льняные вожжи. В предлагаемой трактовке логика двукратного упоминания вожжей выглядит иной: обычные, конские вожжи названы без всякого определения, тогда как специальные вожжи для оленей обозначены словосочетанием. Остается заметить, что в грамоте перечислены не просто «самые обычные предметы домашнего обихода средневекового человека» [Петрухин 2021: 404], а элементы походного снаряжения: вожжи, полотенце (?), две ложки и два ножа (очевидно, включая запасные), точильный камень. Включение в этот комплект дополнительно вожжей для оленьей упряжки актуально для человека, направляющегося далеко на север. В этой связи стоит вспомнить, что земля, в которой (при случайных обстоятельствах) была найдена грамота № 384, была, скорее всего, привезена из района Прусской улицы [НГБ VI: 84]. В том же районе, на Михайло-Архангельском раскопе, в слое второй половины XII в., была найдена грамота № 724, написанная сборщиком дани Саввой и — судя по упоминанию песцов — присланная в Новгород откуда-то с северной периферии Новгородской земли[11]. Высказанное в [Гиппиус 1997] предположение о тождественности этого Саввы с Саввой 384-й грамоты было увязано с ошибочным, как теперь ясно, чтением *вожѣ олени 28*. Но если в грамоте упоминаются не вожжи из оленьей кожи, а вожжи оленьей упряжки, то вероятность этого предположения только возрастает.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

АОС, 9 — *Архангельский областной словарь*. Т. 9. Вязаться — Готовой. М.: МГУ, 1996.

ГВНП — *Грамоты Великого Новгорода и Пскова*. Валк С. Н. (ред.). М.; Л., 1949.

Грковић 1986 — Грковић М. *Речник имена Бањског, Дечанског и Призренског властелинства у XIV веку*. Београд, 1986.

Даль — Даль В. *Толковый словарь живого великорусского языка.* Т. 1–4. М.: Русский язык, 1978–1980.

[10] Исходный вид слова П. В. Петрухин записывает как *ольняньникъ,* что, видимо, является результатом недосмотра, поскольку начальное *ольн-* возникает из *льн-* вследствие падения редуцированных.

[11] С этим не согласен П. В. Петрухин [2019: 77–78], считающий, что под песцами в грамоте № 724 имеются в виду не полярные лисицы, а любые пушные звери. Оставим обсуждение данного вопроса для продолжения дискуссии о датировке и происхождении этого важнейшего документа.

Ипат. — *Полное собрание русских летописей. Том второй. Ипатьевская летопись*. СПб., 1908.
Лавр. — *Полное собрание русских летописей. Том первый. Лаврентьевская летопись*. Вып. 1–3. Л., 1926–1928.
НКРЯ — *Национальный корпус русского языка*. http://www.ruscorpora.ru.
НПК — *Новгородские писцовые книги, изданные Императорской археографической комиссией*. СПб.: Сенат. тип., 1859–1910, 1915. Т. I–VI; Указатель к первым шести томам.
НПЛ — *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
ОСАГ — *Обратный словарь архангельских говоров*. Гецова О. Г. (ред.). М., Наука, 2006.
ПрР — *Правда Русская*. Греков Б. А. (ред.). Т. 1. М.; Л., 1940.
РЗ — *Российское законодательство X–XX веков*: в 9 т. Т. 1: *Законодательство Древней Руси*. Янин В. Л. (отв. ред). 1984.
Сакович — Сакович С. И. *Из истории торговли и промышленности России конца XVII в.* М.: Госкультпросветиздат, 1956. (Труды Гос. исторического музея, 30.)
СГ — *Смоленские грамоты XIII–XIV вв*. Подгот. к печати Сумникова Т. А., Лопатин В. В. М., 1963.
СДРЯ — *Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.* Вып. 1–. М.: Русский язык, 1988–.
Слов. XI–XVII — *Словарь русского языка XI–XVII вв*. Вып. 1–. М.: Наука, 1975–.
СОРЯМР — *Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков.* СПб.: Наука, 2004–.
Срезневский — Срезневский И. И. *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*. Т. I–III. СПб.: Издание Отделения русского языка и словесности Императорской АН, 1893–1903.
СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Вып. 1–. М.; Л.: Наука, 1965–.
ТКВ — *Таможенная книга города Вологды 1634–1635 гг.*: [В 3-х т.] Отв. ред. Волков М. Я., сост. и авт. введения Французова Е. Б. М.: Ин-т истории СССР, 1983.
ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд*. Вып. 1–. М., 1974–.
LECUB VII — *Liv-, Est- und Curlandisches Urkundenbuch*. Bd. VII. Riga; Moskau, 1881.
SSNO — *Słownik staropolskich nazw osobowych.* T. VI. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1981.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Андреев 1989 — Андреев В. Ф. Об атрибуции комплекса новгородских берестяных грамот № 464–476, 494. *Новгород и Новгородская земля. История и археология. Тезисы научно-практической конференции*. [3]. Новгород, 1989, 85–87. [Andreev V. F. Towards the attribution of a deposit of Novgorod birchbark letters Nos. 464–467, 494. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. Tezisy nauchno-prakticheskoi konferentsii*. [3]. Novgorod, 1989, 85–87.]
Бессуднова 2019 — *Русская Ганза. Жизнь Немецкого подворья в Новгороде, 1346–1521 годы. Письма и материалы*. Бессуднова М. Б. (пер., примеч., статья). СПб.: Евразия, 2019. [*Russkaya Ganza. Zhizn' Nemetskogo podvor'ya v Novgorode, 1346–1521 gody. Pis'ma i materialy* [Russian Hansa. The life of the German Court in Novgorod, 1346–1521. Letters and materials]. Bessudnova M. B. (transl., comment., article). St. Petersburg: Evraziya, 2019.]
Бобрик 2014 — Бобрик М. А. Маргиналии к берестяным грамотам и памятникам древнерусской эпиграфики. *Русский язык в научном освещении*, 2014, 2: 191–201. [Bobrik M. A. Marginalia to birchbark letters and Old Russian epigraphy, *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2014, 2: 191–201.]
Васильев 2012 — Васильев В. Л. *Славянские топонимические древности Новгородской земли*. М.: Языки славянской культуры, 2012. [Vasil'ev V. L. *Slavyanskie toponimicheskie drevnosti Novgorodskoi zemli* [Slavic toponymic antiquities of the Novgorod land]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2012.]
Гайдуков, Гиппиус, в печати — Гайдуков П. Г. Гиппиус А. А. Берестяные грамоты Иоанновского раскопа в Великом Новгороде (2021–2022 гг.). *Российская археология*, 2024, в печати. [Gaidukov P. G., Gippius A. A. Birchbark letters from Ioannovsky excavation in Veliky Novgorod (2021–2022). *Rossiiskaya arkheologiya*, 2024, in print.]
Гиппиус 1997 — Гиппиус А. А. «Вожжей оленьих 28…». Об одной числовой модели в древнерусских текстах. *Живая старина*, 1997, 3: 21–23. [Gippius A. A. 28 reindeer reins. *Zhivaya starina*, 1997, 3: 21–23.]
Гиппиус 2004 — Гиппиус А. А. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.).* Янин В. Л., Зализняк А. А.,

Гиппиус А. А. М.: Русские словари, 2004, 183–232. [Gippius A. A. Towards pragmatics and communicative organization of birchbark letters. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1997–2000 gg.).* Yanin V. L., Zaliznyak A. A., Gippius A. A. Moscow: Russkie Slovari, 2004, 183–232.]

Гиппиус 2017 — Гиппиус А. А. Берестяная грамота № 1072 и денежно-весовые системы средневекового Новгорода. *Российский рубль. 700 лет истории*. Материалы Международной нумизматической конференции. Великий Новгород, 2017, 25–36. [Gippius A. A. Birchbark document No. 1072 and monetary systems of medieval Novgorod. *Rossiiskii rubl': 700 let istorii*. Proc. of the international numismatic conf. Veliky Novgorod, 2017, 25–36.]

Гиппиус 2021 — Гиппиус А. А. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2020 г. *Вопросы языкознания*, 2021, 5: 66–92. [Gippius A. A. Birchbark letters from Veliky Novgorod excavations of the year 2020. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 5: 66–92.]

Гиппиус, Зализняк 2018 — Гиппиус А. А., Зализняк А. А. Берестяные грамоты из раскопок 2017 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе. *Вопросы языкознания*, 2018, 4: 7–24. [Gippius A. A., Zaliznyak A. A. Birchbark letters from Veliky Novgorod and Staraya Russa excavations of the year 2017. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 5: 66–92.]

Гиппиус, Щеголькова, в печати — Гиппиус А. А., Щеголькова Е. Ю. Надписи-граффити на фрагментах фресок Георгиевского собора Юрьева монастыря: предварительный каталог. *Фрески Георгиевского собора Юрьева монастыря*. Седов Вл. В. (ред.). В печати. [Gippius A. A., Shchegol'kova E. Yu. Graffiti on fragments of frescoes from St. George's Cathedral of the Yuriev Monastery: A preliminary catalogue. *Freski Georgievskogo sobora Yur'eva monastyrya*. Sedov Vl. V. (ed.). In print.]

ДНД — Зализняк А. А. *Древненовгородский диалект*. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt* [Old Novgorod dialect]. 2nd edn. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004.]

Зализняк 1986 — Зализняк А. А. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 г.).* Янин В. Л., Зализняк А. А. М.: Наука, 1986, 89–219. [Zaliznyak A. A. Towards the study of the language of birchbark documents. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1977–1983 gg.).* Yanin V. L., Zaliznyak A. A. Moscow: Nauka, 1986, 89–219.]

Зализняк 2019 — Зализняк А. А. *Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь*. 2-е изд., расширенное и переработанное. М.: Языки славянской культуры, 2019. [Zaliznyak A. A. *Drevnerusskoe udarenie: Obshchie svedeniya i slovar'* [Old Russian stress: General information and dictionary]. 2nd edn. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2019.]

Золтан 1983/2002 — Золтан А. К предыстории русск. «государь». *Из истории русской культуры.* Т. II, кн. 1: *Киевская и Московская Русь*. Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. (сост.). М.: Языки славянской культуры, 2002, 554–590. Первое изд.: Studia Slavica Hungarica, t. XXIX. Budapest, 1983, 71–110. [Zoltán A. Towards the history of Russian *gosudar'* 'sovereign'. *Iz istorii russkoi kul'tury*. Vol. II, Book 1: *Kievskaya i Moskovskaya Rus'*. Litvina A. F., Uspenskii F. B. (comps.). Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2002, 554–590.]

Калугин 1991 — Калугин В. В. Андрей Микулинский и Козьма Попович — псковские писцы XIV в. *Книжные центры Древней Руси. XI–XVI вв*. Лихачев Д. С. (отв. ред.). СПб.: Наука, 1991, 46–61. [Kalugin V. V. Andrey Mikulinsky and Koz'ma Popovich — fourteenth-century Pskov scribes. *Knizhnye tsentry Drevnei Rusi. XI–XVI vv.* Likhachev D. S. (ed.). St. Petersburg: Nauka, 1991, 46–61.]

Кучкин 2008 — Кучкин В. А. Десятские и сотские Древней Руси. *Древняя Русь: очерки политического и социального строя*. Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С. М.: Индрик, 2008, 270–428. [Kuchkin V. A. "Desyatskies" and "sotskies" in Old Rus'. *Drevnyaya Rus': ocherki politicheskogo i sotsial'nogo stroya.* Gorskii A. A., Kuchkin V. A., Lukin P. V., Stefanovich P. S. Moscow: Indrik, 2008, 270–428.]

Лукин 2008 — Лукин П. В. Древнерусский «поток и разграбление» в свете германских параллелей. *Одиссей: Человек в истории. Script/Oralia: взаимодействие устной и письменной традиций в Средние века и раннее Новое время*. [Вып. 20]. М.: Наука, 2008, 196–210. [Lukin P. V. Old Russian "potok i razgrablenie" in the light of German parallels. *Odissei: Chelovek v istorii. Script/Oralia: vzaimodeistvie ustnoi i pis'mennoi traditsii v Srednie veka i rannee Novoe vremya*. [Vol. 20]. Moscow: Nauka, 2008, 196–210.]

Мусин 2003 — Мусин А. Е. Социальные аспекты истории древнерусской Церкви по данным новгородских берестяных грамот. *Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения.* Материалы международной конференции (Великий Новгород, 24–27 сентября 2001 г.). Янин В. Л. (ред.).

М.: Индрик, 2003, 102–124. [Musin A. E. Social aspects of the history of the Old Russian Church on the basis of the Novgorod birchbark letters. *Berestyanye gramoty: 50 let otkrytiya i izucheniya.* Proc. of the international conf. (Veliky Novgorod, 24–27 September 2001). Yanin V. L. (ed.). Moscow: Indrik, 2003, 102–124.]

Мызников 2003 — Мызников С. А. *Русские говоры Обонежья*. СПб.: Наука, 2003. [Myznikov S. A. *Russkie govory Obonezh'ya* [Russian dialects of Onega region]. St. Petersburg: Nauka, 2003.]

НГБ III — Арциховский А. В., Борковский В. И. *Новгородские грамоты на бересте* (*из раскопок 1953–1954 гг.*). М.: Изд-во АН СССР, 1958. [Artsikhovskii A. V., Borkovskii V. I. *Novgorodskie gramoty na bereste* (*iz raskopok 1953–1954 gg.*) [Novgorod birchbark letters (from the excavations of 1953–1954)]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Press, 1958.]

НГБ VI — Арциховский А. В. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958–1961).* М.: Изд-во АН СССР, 1963. [Artsikhovskii A. V. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1958–1961 gg.)* [Novgorod birchbark letters (from the excavations of 1962–1976)]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Press, 1963.]

НГБ VII — Арциховский А. В., Янин В. Л. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.).* М.: Наука, 1977. [Artsikhovskii A. V., Yanin V. L. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1962–1976 gg.)* [Novgorod birchbark letters (from the excavations of 1962–1976)]. Moscow: Nauka, 1977.]

НГБ XI — Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.).* М.: Русские словари, 2004. [Yanin V. L., Zaliznyak A. A., Gippius A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1997–2000 gg.)* [Novgorod birchbark letters (from the excavations of 1997–2000)]. Moscow: Russkie Slovari, 2004.]

НГБ XII — Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.)*. М.: Языки славянской культуры, 2015. [Yanin V. L., Zaliznyak A. A., Gippius A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 2001–2014 gg.)* [Novgorod birchbark letters (from the excavations of 2001–2014)]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2015.]

Петрухин 2019 — Петрухин П. В. Где и когда собирал дань новгородец Савва? [Petrukhin P. V. Where and when did the Novgorodian Savva gather the tribute?] *Slověne*, 2019, 8 (1): 55–108.

Петрухин 2021 — Петрухин П. В. Письмо Стойнега к матери (к переводу новгородской берестяной грамоты № 384). *Слова, конструкции и тексты в истории русской письменности. Сб. статей к 70-летию академика А. М. Молдована*. Пичхадзе А. А. (ред.). М.; СПб.: Нестор-История, 2021, 403–412. [Petrukhin P. V. Stoineg's letter to his mother (on the translation of the Novgorod birchbark letter No. 724). *Slova, konstruktsii i teksty v istorii russkoi pis'mennosti. Sbornik statei k 70-letiyu akademika A. M. Moldovana.* Pichkhadze A. A. (ed.). Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2021, 403–412.]

Страхов 1997 — Страхов А. Б. Филологические наблюдения над берестяными грамотами: X–XIV. [Strakhov A. B. Philological observations on birchbark letters: X–XIV. *Palaeoslavica*, 1997, V: 287–312.]

Толстой 1995 — Толстой Н. И. Алфавит. *Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 томах*. Толстой Н. И. (ред.). Т. 1. М.: Международные отношения, 1995, 102–103. [Tolstoi N. I. The alphabet. *Slavyanskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar' v 5 tomakh*. Tolstoi N. I. (ed.). Vol. 5. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya, 1995, 102–103.]

Успенский 1969 — Успенский Б. А. *Из истории русских канонических имен*. М.: МГУ, 1969. [Uspenskii B. A. *Iz istorii russkikh kanonicheskikh imen* [From the history of Russian canonical names]. Moscow: Moscow State Univ., 1969.]

Успенский 2002 — Успенский Б. А. *История русского литературного языка (XI–XVII вв.).* М.: Аспект Пресс, 2002. [Uspenskii B. A. *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka (XI–XVII vv.)* [History of Russian literary language (11th–17th centuries)]. Moscow: Aspekt Press, 2002.]

Успенский 2023 — Успенский Б. А. *Государь*: история и этимология слова. *Вопросы языкознания*, 2023, 1: 7–18. [Uspenskii B. A. Russian *gosudar'* 'sovereign': History and etymology. *Voprosy Jazykoznanija*, 2023, 1: 7–18.]

Gippius, Mikheev 2023 — Gippius A., Mikheev S. Enigmas and the enigmatic in early Rus epigraphy. *Enigma in Rus and Medieval Slavic cultures*. Kriza A. (ed.). Berlin: Walter De Gruyter, 2023, 161–179.

Hübner 1966 — Hübner P. *Zur Lautgestalt griechischer Heiligennamen im Russischen seit dem 11. Jahrhundert*. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, 1966.

Получено / received 28.07.2023 *Принято / accepted 26.09.2023*